

УДК 32.019.5

Исаев А.А.

Социально-политические настроения на японских концессиях о. Сахалин в 1930-е – начале 1940-х гг.

**Sociopolitical moods on the Japanese concessions of Sakhalin
in 1930 – the beginning of 1940th**

В представленной работе в контексте советско-японских отношений 1930-х – начала 1940-х гг. рассматривается развитие социально-политических настроений и поведения рабочих и служащих японских концессий на Сахалине.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Сахалин, советско-японские отношения, социально-политические настроения, японские концессии.*

In the presented work in a context of the Soviet-Japanese relations 1930 – the beginnings of 1940th development of sociopolitical moods and behaviour of workers and employees of Japanese concessions on Sakhalin is considered.

Key words: *Far East, Sakhalin, the Soviet-Japanese relations, sociopolitical moods, the Japanese concessions.*

Дальний Восток занимает важное место в геополитике нашего государства, являясь воротами России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Его роль определяется, прежде всего, как стратегическим положением, так и экономическим значением. Именно этому региону нашей страны отводилась особая роль во время советско-японского сотрудничества и противостояния в годы Второй мировой войны.

Вследствии общей слабости страны после гражданской войны в экономическом и военно-политическом аспекте СССР не был готов к решительным внешнеполитическим действиям. В этой связи Дальневосточному региону, как наиболее удаленному от центра, отводилось особое значение. У руководства страны, несмотря на имеющие место резкие заявления, не было другого выхода, как "умиротворять" Японию. Но не

только "умиротворять", а так же, как говорилось в письме 1925 г. заместителя наркома иностранных дел Г.В. Чичерина: "...стремиться наладить хорошие отношения... и сближаться с Японией" [1, с. 13].

Одним из первых шагов Советского государства навстречу стабилизации отношений с Японией становится подписание на Пекинской конференции 20 января 1925 г. между послами обеих стран "Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Советским Союзом и Японией". В данной конвенции, в частности говорилось: "В интересах развития экономических отношений между обеими странами и принимая во внимание нужды Японии в отношении естественных богатств, правительство СССР готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных, рыбных и других естественных богатств на всей территории СССР" [3, с. 93.]. Тем самым, был принципиально решен вопрос о предоставлении Японии концессий на территории СССР.

Внешнеполитический фактор в условиях Дальнего Востока (особенно в отношении СССР и Японии) доминировал над внутривнутриполитическими установками, направленными на свертывание концессионного дела. Поэтому, несмотря на то, что, на Дальнем Востоке в конце 1920-х – начале 1930-х гг. так же, как и в целом по стране, происходило свертывание концессионной политики и самой практики, этот процесс практически не затронул основные японские концессионные предприятия.

Однако уже к началу 1940-х годов, Япония дала письменное обязательство ликвидировать все концессии в СССР до конца года. Но начавшаяся вскоре Великая Отечественная война помешала этому. В сложной военно-политической обстановке Советский Союз с целью недопущения осложнений в отношении с Японией не настаивал на ликвидации концессий. В октябре 1941 г. японской стороне было даже продлено право на добычу и вывоз нефти до 1943 г. Именно экономическими уступками (нефть была жизненно необходима Японии) в СССР стремились избежать войны на востоке.

Обретя мощь и силу в ходе Великой Отечественной войны, Советский Союз настоял на ликвидации Японских концессий, на своей территории. В 1943 г. все концессионные предприятия были законсервированы. 1944 год, принесший новые победы советской армии и уверенность в скором разгроме Германии, стал последним годом существования концессий на Дальнем Востоке СССР. Соглашение, подписанное в Москве, 30 марта 1944 г. аннулировало все права Японии на эксплуатацию нефтяных и угольных месторождений в СССР [1, с. 808.].

Особо опасным с точки зрения соприкосновения японских и советских интересов, являлся остров Сахалин. На территории советского Сахалина (северной части острова) находились основные советско-японские предприятия-концессии в нефтяной, угольной и рыбной отраслях. На данных предприятиях рабочий коллектив состоял из советских и японских работников, что способствовало близкому контакту между рабочими разных национальностей. Вследствие этого, руководство страны и местной партийной власти считало, что близость и частое общение с вероятным противником, могут привести к потере революционной бдительности и патриотических чувств среди русских работников концессий и жителей острова. Действительно, частое общение с японцами не могло не отразиться на настроениях и взглядах русского населения. Они видели, как живут, питаются, работают и сколько зарабатывают японские рабочие и служащие и им хотелось жить также. Так землекоп на стройке в Советской гавани Н.К. Литвиненко, ранее работавший в г. Охе на японской концессии в 1936-1937 гг. заявлял: "Рабочие на японских концессиях живут лучше, чем мы живем здесь. Там много качественных

вещей, разных продуктов и хорошие заработки" [4, с. 101.].

В связи с этим, вся территория концессий рассматривалась местными органами власти и органами НКВД как рассадник шпионажа и социально-политически чуждого элемента. С целью безопасности приграничных территорий и недопущения прояпонского влияния на корейское и китайское население, (родственники многих из них проживали на оккупированной японцами территории) власть выселяет их с ДВК в Среднюю Азию. Русское население мгновенно, при попустительстве властей, реагирует на это, объявляя всех их японскими шпионами и диверсантами. Вместе с тем, общество, следуя установкам и воле власти, начинает выступать за уничтожение всех врагов народа, что будет способствовать безопасности и социально-политической "чистоте" региона. Большую обеспокоенность в плане социально-политической безопасности вызывал остров Сахалин, имеющий сухопутную границу с Японией. Тем более на советской территории острова продолжали функционировать японские концессии. На таких совместных предприятиях работали советские и японские рабочие, и служащие, в связи, с чем власть рассматривала такое состояние общества, которое больше влияло на русское население, впитывавшее иностранную идеологию. В связи с большой вероятностью японского вторжения партийные органы проводили с советскими работниками, активное политико-идеологическое воспитание стремились не допустить прояпонской пропаганды и создания в своем тылу "пятой колонны." "... засоренность шпионами и социально-чуждым элементом, связанным с японской разведкой, особенно можно наблюдать на Сахалине, имеющем сухопутную границу с Японией" (ГАПК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 101. Л. 7).

Русские концессионные рабочие попадали под подозрение органов государственной безопасности. Многие из них, особенно в период массовых политических репрессий, порой безосновательно, обвинялись в шпионаже и связях с японской разведкой, и были арестованы. К примеру, рабочий Соколов был арестован по данному обвинению, и в материалах его дела говорилось, что "он в период работы на японской концессии в Дуэ, был связан с японской разведкой и после отъезда этих связей не терял" (ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 771. Л. 82). Однако не только среди рабочих, но и среди партийных руководителей региона в местных органах власти были явно прояпонские настроения. Так в спец сообщении по общему положению дел на Сахалине, в частности отмечалось, что: "...имеются случаи, когда отдельные коммунисты Охинской партийной организации имели близкую связь с японскими спецслужбами, а некоторые из них выполняли задания японцев шпионского характера и проводили на собраниях рабочих и в узком кругу антисоветскую, японофильскую агитацию" (ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 946. Л. 18). В связи с осложнением советско-японских политических отношений, на данных предприятиях, возникали трения между рабочими на национальной почве.

Нередки были случаи насилия над советскими рабочими. Так, в течение ряда лет, на японских концессиях были отмечены унижение русских работников со стороны японцев, как во время работы, так и на отдыхе. Кроме того, со стороны японской администрации отмечалось грубое обращение и оскорбление нецензурными словами русских рабочих и служащих. Однако и японские работники периодически ощущали на себе выпады и далеко не лестные высказывания со стороны русских в свой адрес. Эти выпады участились во время открытого военного противостояния на озере Хасан и у реки Халхин-Гол. Например, работники горного округа, неоднократно на производстве вели разговоры с японской администрацией в грубой форме. Учащались случаи ругательств и угроз по отношению ко всем японцам: как к работникам концессии, так

и проживающих на близлежащей территории. Данные прецеденты, использовались японской администрацией в антисоветских целях (ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 942. Л. 252, 295; Ф. 35. Оп. 1. Д. 319. Л. 264.).

Итак, несмотря на сложную внешнеполитическую ситуацию, во второй половине 1930-х годов на Дальнем Востоке сохранялся общий патриотический подъем и моральная стойкость населения. Однако это не мешало проявляться время от времени антисоветским, японофильским высказываниям и настроениям. В основном это происходило из-за надежд некоторой части советского населения, что с помощью иностранной (прежде всего с японской) интервенции удастся уничтожить советский строй и тем самым восстановить старый строй, и вернуть все, что они потеряли.

После начала войны, отношения между советскими и японскими рабочими становились напряженными. В немалой степени это обусловлено тем, что сохранялись провокационные слухи, что были виновны японские служащие. В период 1941 – 1942 гг., – согласно отчету Восточно-Сахалинского горного округа о деятельности японского нефтяного концессионера, – японские граждане периодически угрожали советским работникам, тем, что скоро в г. Оху и другие населенные пункты придут японские солдаты, которые будут русских девушек и женщин насиловать, а всем мужчинам будут разбивать головы. В то же время, они (японцы) вносили неразбериху в работу оборонных ведомств острова. Так, переводчик технического отдела Исида, высказывался, что " не нужно проводить в Охе и других населенных пунктах светомаскировку и учения ПВО. Пока мы здесь (японцы – А.И.) никакие самолеты нападать не будут" (ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1038. Л. 231).

В связи с ухудшением материально-бытовых условий жизни, связанных с войной, участились случаи попрошайничества и воровства на концессиях. По этому случаю, японцы заявляли: "не успели одного года повоевать, а уже развили нищету". Кроме того, японцы использовали подобные факты в своих целях, вплоть до вербовки недовольных русских граждан (ГАХК. Ф.35. Оп.1. Д.1071. Л.23).

Слухи и антисоветские настроения, распространяемые как японцами, так и их пособниками, вызывали страх у советских граждан. Это влекло за собой явно антипартийные поступки. К примеру, в городе Оха, комсомолец написал заявление о выходе из ВЛКСМ и сдаче комсомольского билета, из-за страха и боязни за свою жизнь, в связи с создавшейся угрозой над Советским Союзом (ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1076. Л. 14).

В связи с заметными изменениями на советско-германском фронте, а также с втягиванием Японии в длительную войну с США на Тихом океане, к началу 1943 г. происходит постепенное изменение политических настроений у населения острова. С ликвидацией концессий в 1944 г., отрицательные поступки и настроения окончательно исчезают. Однако даже после этого русские рабочие и служащие оставались в поле зрения органов НКВД.

Тем не менее, мужество, моральная и идеологическая стойкость жителей о. Сахалин, которые, несмотря на распространение панических, пораженческих слухов, антисоветских и прояпонских настроений, на репрессии и беззакония властей и органов НКВД, страх и недоверие людей друг к другу, а так же тяжелые трудовые и бытовые будни, не только смогли выстоять морально-психологически, но и победить опасного и хитрого противника – Японию.

Литература

1. Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т.8. 862 с..
2. Картунова, И.А. Китайский вопрос в переписке Г.В. Чичерина и Л.М. Карахона. 1924 -1926. // Новая и новейшая история. 1998. №6. с. 3 – 18.
3. Марьясова, Н.В. Иностраннный капитал на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы. Концессии и концессионная политика Советского государства. Владивосток, 2000. 168 с.
4. Чернолуцкая, Е.Н. "Очистка" Приморья от "неблагонадежного" населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики. // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX в. Владивосток, 1999. с. 95 – 112.